Оглавление

Вместо предисловия. **7**

Глава 1
XII век. Самураи приходят к власти **17**

Глава 2
XIII век. Самураев проверяют на прочность **55**

Глава 3
XIV век. В поисках Великого мира **87**

Глава 4
XV век. «Низы свергают верхи» **117**

Глава 5
XVI век. Хроники распада и объединения **143**

Глава 6
XVII век. Эпоха Великого мира **177**

Глава 7
XVIII век. Эпоха кризисов и реформ **219**

Глава 8
XIX век. Последние самураи **257**

Список рекомендованной литературы **299**
Источники иллюстраций. **301**

Вместо предисловия

Почему «восемь веков»?

Япония перешла на григорианский календарь 1 января 1873 г. Только тогда страна узнала, что уже 73 года живет в XIX в. и что вообще есть такое понятие — век. До этого время в Японии в веках не измеряли.

В традиционной Японии представления о времени восходили к китайским. Календарь основывался на системе Небесных стволов и Земных ветвей. Небесные стволы — это пять первоэлементов (Огонь, Вода, Дерево, Металл и Земля), каждый из которых существует в двух началах (темное Инь и светлое Ян), дающие в сумме 10 циклических знаков. Земные ветви ассоциировались с 12 животными (Крыса, Бык, Тигр и т. д.). Эти два цикла —десятилетний и двенадцатилетний — шли параллельно, и каждый год обозначался парой иероглифов: одним из Небесных стволов и одной из Земных ветвей. Например, известные нам сегодня названия «год Огненной Лошади» или «год Деревянной Змеи» — не что иное, как сочетание Небесного ствола (Огонь, Дерево) и Земной ветви (Лошадь, Змея). Из 10 знаков первого цикла и 12 знаков второго получалось 60 обозначений для годов. По прошествии 60 лет цикл начинался заново. Можно сказать, что если в Китае и Японии существовали «века», то длились они не по 100, а по 60 лет*.

* Слово, которое в Японии периода Мэйдзи было принято за стандартный перевод западного понятия «век» (世紀, читается как «сэйки»), встречалось в китайских письменных памятниках начиная с III в. н. э.,

В такой системе у годов не было уникального обозначения. Например, «годом Огненной Лошади» является не только 2026-й, но и 1966-й, и 1906-й и так далее. Чтобы идентифицировать конкретный год, требовалось уточнить, к правлению какого императора он относится. Отчасти в связи с этим в Китае, а затем и в Японии возникла традиция: при восшествии на престол или в связи с другими значимыми событиями объявляли девиз правления — сочетание из двух (реже четырех) иероглифов с благожелательным смыслом. Эта практика сохраняется в Японии до сих пор, наряду с европейским календарем. Например, 2026 год — это также 8 год под девизом правления Рэйва. Девиз «Рэйва» был объявлен в 2019 г. при восшествии на престол нынешнего 126-го (согласно традиционной историографии) императора Нарухито.

С правления императора Мэйдзи (с 1868 по 1912 г.) власти законодательно закрепили правило: каждое правление должно иметь один девиз, который после смерти монарха становился его посмертным именем. Таким образом, Мэйдзи — это в первую очередь девиз правления, затем посмертное имя императора (которого при жизни звали Муцухито) и только потом название эпохи. До периода Мэйдзи такого правила не было и императоры могли неоднократно менять девизы в течение своего правления. С начала VIII в., когда стали последовательно применять практику девизов правления, на японском престоле сменилось более 80 императоров, а число девизов

а также в японских источниках середины периода Хэйан и далее. Однако обозначать отрезок времени протяженностью в 100 лет оно стало лишь со второй половины XIX в. В этом значении его начали употреблять отдельные авторы и переводчики в первое десятилетие правления Мэйдзи, сопровождая слово комментариями, а к середине 80-х гг. оно становится общеупотребительным. — *Прим. науч. ред.*

превысило 230 — в среднем по три на одного государя. Рекорд-смены по количеству девизов за время правления — императоры Го-Дайго (1288–1339) и Го-Ханадзоно (1419–1471), каждый из них правил под восемью девизами. До середины периода Хэйан смена девиза, как правило, происходила после благих небесных знамений или по иным причинам позитивного характера. Со второй половины X в. к этому стали прибегать еще и для исправления неблагоприятной обстановки в стране. Потому частая смена девизов могла свидетельствовать о нестабильности. Закон «один правитель — один девиз», принятый в период формирования национального государства вокруг единого правителя, упрощал летоисчисление и символически укреплял авторитет императора.

Периодизация истории Японии до реставрации Мэйдзи по девизам правления неудобна — она слишком дробная. Поэтому японские историки применяют другие подходы. Наиболее распространенным является разделение на периоды по названию основного политического центра (фактической столицы): Нара (710–794), Хэйан (794–1185), Камакура (1185–1333), Муромати (1336–1573) и Эдо (1603–1867). Эпохе правления самураев в Японии соответствуют последние три периода — они соотносятся с тремя династиями сёгунов, сменявших друг друга: Минамото, Асикага и Токугава. Однако акцент на трех периодах и соответствующих им сёгунатах затрудняет понимание их различий и причин смены: ни один из них не сменял другой сразу, между ними были продолжительные периоды нестабильности и поисков оптимальных форм государственного и общественного устройства. Именно эти процессы будут в фокусе внимания данной книги: история военного сословия во главе государства — от обретения власти в XII в. и до ее потери (по крайней мере, формальной) в XIX в.

Почему «самураи»?

Используя слово «самураи» в названии книги, я намеренно поступаю в угоду потенциальному читателю для облегчения понимания. В России уже давно сложилось представление, что самураи — это японские воины. Оно закрепилось настолько прочно, что в русском языке самураями стали называть не только воинов средневековой Японии, но и солдат времен японской императорской армии (1868–1945). Можно вспомнить известные советские песни военных лет, где были такие строчки, как «Вы не суйтесь, самураи…» и «В эту ночь решили самураи…». Конечно, искушенные в японской истории читатели знают, что слово «самураи» некорректно использовать в отношении не только солдат и офицеров конца XIX — первой половины XX в., но и воинов Древней Японии. Они не носили знаменитые доспехи, шлемы или изогнутые мечи, ставшие впоследствии визитными карточками и даже символами воинского сословия Японии.

В самой Японии ситуация со словом «самураи» еще запутаннее. Во-первых, значение этого слова менялось со временем. Во-вторых, существовал ряд других широко используемых слов для обозначения воинов. Сегодня сами японцы не всегда понимают разницу между ними. Изменение названий и их значений отражает сложную и долгую историю японского воинства.

Слово «самурай» записывается иероглифом 侍, который состоит из двух элементов: слева «человек», а справа «храм». В Древнем Китае этот знак сначала обозначал человека, который ассистировал при жертвоприношении, а позже стал означать в широком смысле «помощник», «слуга». В Японии этот китайский иероглиф использовали для обозначения слова «самурай», которое происходило от глагола «сабурау» («служить, прислу-

живать»). До X в. так называли своих личных слуг представители столичной аристократии. В X–XI вв. поручения аристократов своим слугам все чаще касались военных дел. Споры за землю и власть теперь решались не императорскими указами, а с помощью вооруженных отрядов. Аристократам тоже требовалась охрана, поэтому их слуги, как правило, были воинами. Тем не менее поначалу самураями называли не всех воинов, а только верхушку этого сословия, имевшую прямые связи с экс-императорами или столичными аристократами. В эпохи Камакура (1185–1333) и Муромати (1338–1573) термином «самураи» обозначали глав военных домов, которые несли службу на высших должностях — военных губернаторов провинций или военных администраторов частных поместий. Лишь к эпохе Эдо (1603–1867) слово «самурай» стало широко использоваться в повседневной речи практически как синоним понятия «воин».

Те, кто увлекается историей Японии, наверняка знают, что воинов называли не только самураями, но и *буси*. От «буси» произошло слово *бусидо* — «путь воина», где *до* — «путь», а *буси* — «воин». Слово «буси» состоит из двух иероглифов: 武士. Первый означает «военное дело» или «воинское искусство», а второй — «ученый», «чиновник» или «человек на службе». Таким образом, «буси» буквально человек, находившийся на военной службе в противоположность службе гражданской. Или шире — человек, для которого практика военного дела (боевых искусств, верховой езды и т. д.) является основным видом деятельности. Парадоксально, но слово «буси» стало широко употребляться по отношению к представителям военного сословия только к эпохе Эдо. В это время войны в стране закончились и военное дело превратилось скорее в хобби: многих буси приходилось призывать к регулярным занятиям верховой ездой и стрельбой из лука

вместо того, чтобы проводить время в веселых кварталах. Те же воины, что находились на службе, в основном несли службу гражданскую, а не военную.

В документах эпохи Эдо часто встречается слово *букэ* 武家 («военные дома»), а не буси («воин, воины»). Это связано с тем, что основной социальной единицей был не отдельный человек, а семья или дом. Поэтому многочисленные законы и указы адресовались целым домам, а не конкретным людям.

Близким по смыслу к слову «буси» является также слово *муся (муса)*. Записывается оно иероглифами 武者: первый тот же, что и в «буси» («военное дело»), второй — «человек». То есть «военный человек, воин». Это слово широко использовали в разговорной речи для обозначения рода занятий человека, в то время как «буси» скорее указывало на социальный статус.

Еще одно древнее японское слово для обозначения воинов — *цувамоно*. Его, как правило, записывали знаком 兵 — в Китае он означал «солдат, воин». Это слово произошло от японского сочетания *уцува-моно*: *уцува* — «оружие», *моно* — «человек», то есть человек, имеющий дело с оружием. Так называли воинов в эпоху Хэйан (794–1185), когда воинское сословие только формировалось. В столице Киото среди аристократов и членов императорской семьи это слово могло носить несколько пренебрежительный оттенок: военное дело связывали со смертоубийством и кровью, поэтому считали нечистым занятием. С ростом влияния воинов к концу периода Хэйан появились более благородные слова — «буси» или «муся».

В этой книге я использую слово «самураи» наравне с понятием «воины средневековой Японии» так, как это привычно в русском языке. При этом я вкладываю в это слово

не столько его «военную» составляющую, сколько «служилую»: самураи в первую очередь не искусные и храбрые воины, не жалеющие жизни на поле брани, а члены правящего класса (сословия). На протяжении своей долгой истории они осваивали науку управления сначала деревнями, затем провинциями и, наконец, всей страной.

Почему «средневековая Япония»?

Эпоха правления самураев не имеет в исторической науке единого обозначения. Это одна из причин, побудившая меня обратиться к европейскому понятию «века» и измерить эпоху в них. Вторая причина — желание подчеркнуть длительность правления самураев. Мне бы хотелось сказать о «тысячелетии под властью самураев», но формально их правление длилось семь веков, если считать от получения Тайра Киёмори поста главного министра в 1167 г. до отречения последнего сёгуна Токугава в 1867 г. Однако, как историк, я не могу не заглянуть за пределы этого периода — как до него, так и после, поэтому мое повествование будет охватывать период с XII по XIX в. Наконец, измерить историю правления самураев веками — это возможность мысленно приложить линейку к извилистой траектории времени и таким образом уловить биение пульса: где он ускоряется, а где замедляется.

В подзаголовке книги я использую словосочетание «средневековая Япония». Понятие «Средние века», или «Средневековье», относится к истории Европы. Оно появилось в эпоху Возрождения. Тогда историю начали делить сначала на Античную (дохристианскую) и Новую (христианскую), а позже, с ростом интереса к Античности, современность стали вос-

принимать как возрождение Античности (или Новое время). Предшествующий период сперва нарекли «темными веками», но затем дали более нейтральное название — «Средние века», то есть время между Древностью и Новым временем. Как правило, период Средневековья в истории Европы датируют от падения Западной Римской империи в V в. до падения Константинополя или начала эпохи Великих географических открытий в XV в. Впоследствии, с развитием исторической науки и формированием национальных государств в XVIII–XIX вв., ученые начали применять периодизацию, в рамках которой выделялись периоды «средних веков» и в истории стран за пределами Европы. В этих случаях хронологические границы Средних веков могли не совпадать с европейскими.

Японские историки стали выделять Средневековье в истории своей страны в эпоху Мэйдзи (1868–1912) под влиянием европейской науки. Тогда в японском языке появился термин *тюсэй*, который является калькой понятия «Средние века». Эпоху Мэйдзи (время восстановления прямой власти императора после долгого правления сёгунов) классифицировали как «Новое время» (*киндай*). Период до узурпации власти сёгунами отнесли к «Древности» (*кодай*), а промежуток между ними (с конца XII до второй половины XIX в.) — к «Средним векам». Впоследствии, однако, выяснилось, что эпоха Токугава (1603–1867), предшествовавшая реставрации Мэйдзи, по многим характеристикам подходит под европейское понимание «Нового времени», поэтому ее выделили в особый период — *кинсэй* (ближние века). В США и Европе этот период японской истории называют ранним Новым временем. Историки-марксисты, в том числе в СССР, указывая на феодальный характер эпохи Токугава, считали ее поздним Средневековьем. Некоторые историки подгоняли гра-

ницы японского Средневековья под европейские: начало — реформы Тайка (645), конец — XVI в. (открытие Японии европейцами, распространение огнестрельного оружия, объединение под единой центральной властью и создание абсолютистского государства сёгунами Токугава).

Использование понятия «Средние века» применительно к истории Японии иногда расценивают как проявление европоцентризма в исторической науке XIX–XX вв. На мой взгляд, оно вполне оправданно, так как и в Японии, и в Европе данный период связан с развитием феодализма. В Японии (как и в Европе после падения Западной Римской империи) неудачная попытка построения централизованного бюрократического государства по образцу танского Китая привела к политической децентрализации, раздробленности и формированию сложной иерархической системы отношений вокруг земельной собственности. На первый план выдвинулось воинское сословие — самураи, которых часто сравнивают с европейскими рыцарями.

Помимо военного сословия во главе страны, период с середины XII до середины XIX в. имеет и другие общие черты. Во-первых, отсутствие единого государства — власть не распространялась на всю территорию Японского архипелага. Попытка создать такое государство в Древности, накануне и во время эпохи Нара, быстро потерпела крах. После этого власть надолго перестала исходить из одного центра: Японский архипелаг оставался раздробленным.

Во-вторых, по сравнению с Древностью общество было более сложным, многослойным. В древнем государстве (по крайней мере на бумаге, в законах) во главе страны стоял император, ему подчинялись чиновники, которые собирали налоги и призывали в армию, остальное население состав-

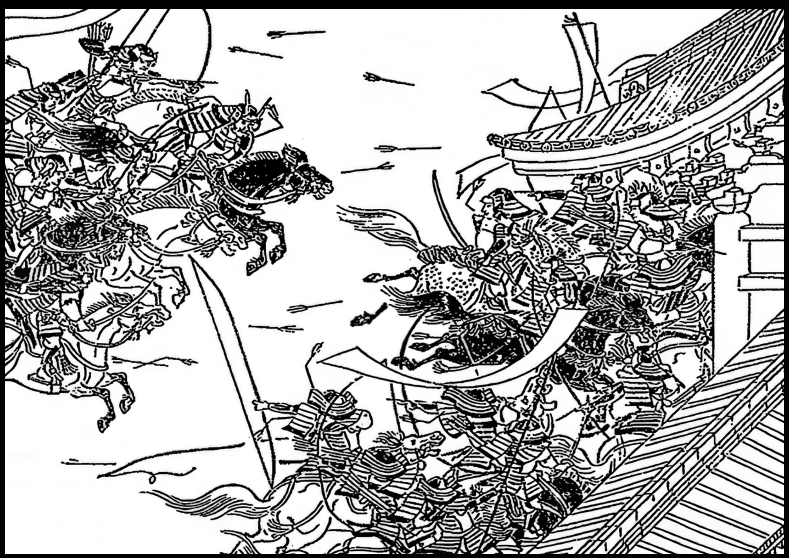
ляли простолюдины, «добрый люд». Существовали отдельные категории лично зависимых и государственных рабов, но численно их было относительно немного. Начиная с эпохи Хэйан социальная структура усложнилась. О строгой системе сословий можно говорить лишь к концу периода — в эпоху Эдо, начиная с XVII в. До этого общество оставалось очень многослойным, без оговорок причислить человека к той или иной категории населения было невозможно.

Именно по этим причинам рассказать историю этих восьми веков, не ограничив себя исходной точкой, магистральной темой или группой людей, очень трудно. Я выбрал воинов, которые на протяжении всех восьми веков играли руководящую роль в обществе, государстве и экономике.

Самураи не всегда были формально четко выделенным сословием, но господство могущественных военных домов оставалось неизменным на всем протяжении периода. На вершине социальной лестницы они восемь столетий искали наилучшую форму государства, общественного устройства и экономики, чтобы всем жилось максимально хорошо. К эпохе Токугава такая модель была найдена. Это позволило Японии на протяжении более двух с половиной столетий (XVII, XVIII и первой половины XIX в.) пребывать в состоянии мира, экономического процветания и демографического роста. Эпоха Токугава (Эдо) стала логичным завершением длительного процесса поисков самураями идеального общественного устройства. Этот относительно спокойный период был прерван в середине XIX в. под натиском западных держав, насильно включивших Японию в мировой рынок и систему международных дипломатических отношений.

Глава 1

XII век. Самураи приходят к власти



Формирование самураев как социальной группы

Появление сословия самураев опиралось на многовековые традиции военного дела, существовавшие в Японии задолго до этого. Самые ранние свидетельства вооруженных конфликтов на Японском архипелаге относятся к периоду Яёй (III в. до н. э. — III в. н. э.): археологи находят следы укрепленных поселений, оружие из бронзы и железа, а также человеческие останки с признаками насильственной смерти. Наиболее ранние данные письменных источников, как китайских, так и японских, также говорят о том, что между многочисленными общинами земледельцев вооруженные столкновения происходили уже в ту эпоху. В период Кофун (III–VII вв. н. э.) союз племен Ямато обладал достаточной боевой мощью, чтобы активно участвовать в войнах на Корейском полуострове между государствами Когурё, Пэкче и Силла. Однако в то время армия Ямато представляла собой отдельные дружины могущественных родов, таких как Мононобэ и Оотомо, подчинявшиеся скорее своим главам, нежели правящему государеву роду. Время от времени военные дружины участвовали не только в заморских экспедициях, но и в борьбе за влияние при дворе.

Со второй половины VII в., в ходе становления централизованного бюрократического государства, власти предприняли попытки по формированию регулярной армии, подчиненной центру. В 663 г. войско Ямато потерпело сокрушительное поражение от объединенной армии танского Китая и корейского государства Силла. Это подтолкнуло правителей к решительным реформам по образцу

Китая, в том числе к созданию армии нового типа. Тогда была введена система призыва, в рамках которой каждый крестьянский двор обязан был выставить одного рекрута. Содержание войск предусматривалось в каждой провинции пропорционально численности податного населения. Одновременно с этим государство Ямато отказалось от активного вмешательства в ситуацию на материке и сосредоточилось на расширении подконтрольной территории на архипелаге.

К началу VIII в. создание централизованного бюрократического государства «Япония» («Ниппон») практически завершилось, но на окраинах архипелага все еще проживали неподконтрольные государеву двору племена. На юге острова Кюсю обитали хаято, а на севере острова Хонсю — эмиси. Немногочисленных хаято удалось подчинить довольно быстро: на их землях в 702 г. была основана провинция Сацума, а в 713 г. — Осуми, после чего началось массовое переселение в эти районы крестьян. Это вызвало восстание местных жителей в 720–721 гг., с подавлением которого усмирение хаято было в целом завершено. Подчинение эмиси растянулось более чем на столетие.

Эмиси — потомки древнего населения Японского архипелага. В отличие от своих соседей из союза племен Ямато, они не перешли к возделыванию риса как основному способу хозяйствования, а сохраняли практики охоты, рыбной ловли и собирательства, которые вели с периода Дзёмон (14 тыс. — 1 тыс. до н. э.). При этом, благодаря соседству с Ямато, эмиси познакомились с земледелием и металлическими орудиями, переняли более современные технологии изготовления керамики и начали разводить лошадей. Племена жили на севере острова Хонсю, на Хоккайдо и землях к северу от них. Впоследствии они станут одними из предков

народа айнов. На границе между японским государством и владениями эмиси то и дело вспыхивали столкновения: японцы продвигались на север в поисках новых участков для сельского хозяйства, а эмиси нападали на их поселения ради наживы.

В начале VIII в. на землях эмиси были учреждены провинции Муцу и Дэва и основаны провинциальные управы. Однако до реального контроля Японии над этими территориями было еще далеко: местные вожди постоянно поднимали бунты. Содержать многочисленную армию в центре страны и каждый раз отправлять ее на север выходило накладно для государственной казны. Поэтому на рубеже VIII–IX вв. от прежней системы призыва в армию отказались и стали активнее набирать добровольцев в северных провинциях. Войны с племенами эмиси продолжались в VIII и начале IX в. Время от времени их удавалось усмирить. Некоторым вождям даровали японские ранги и фамилии — так они становились частью административной системы Японии и управляли своими землями и сородичами от ее имени. Но покоренные племена то и дело выходили из повиновения и снова нападали на японские поселения. Обстановка на севере оставалась нестабильной.

Из столицы туда время от времени отправляли военных чиновников, наделяя их почетным титулом *сэйто тайсёгун* («великий полководец — покоритель Востока») или *сэйи тайсёгун* («великий полководец — покоритель восточных варваров»). В самих этих названиях содержится слово «сёгун», позднее ставшее обозначением верховного военного правителя страны. Но в VIII–IX вв. этот титул был временным: его давали только на период военной кампании против эмиси. После усмирения варваров полководец с триумфом воз-

вращался в столицу к привычной жизни. Текущими делами продолжали заниматься местные чиновники. Конфликты на севере острова Хонсю не утихали до XI в. — из-за этого регион стал одним из очагов формирования самураев. При этом у местного населения были позаимствованы некоторые аспекты военного искусства, без которого трудно представить самураев более поздних эпох, например навыки кавалерийского боя и длинный изогнутый меч.

Длительные войны с эмиси сами по себе едва ли являются причиной формирования воинского сословия — они скорее указывают на один из главных географических центров этого процесса. Гораздо более важная причина была в сфере земельных отношений. Древняя Япония не смогла воплотить заимствованную из Китая идеальную модель бюрократического государства, основанную на законодательных кодексах. Налоги исправно собирали лишь в нескольких провинциях вокруг столицы. В отдаленных землях — как на западе, так и на северо-востоке — жители платили налоги и несли повинности неохотно. Политика регулярного перераспределения земельных участков между крестьянами приводила к тому, что земли быстро приходили в негодность из-за небрежного отношения. В таких условиях власти решили поощрять освоение целины и передавали вновь обработанные земли в частную собственность с условием уплаты налогов. С середины VIII в. начался активный рост частного землевладения, в который включилась как столичная, так и провинциальная аристократия.

Древняя Япония была разделена на провинции, а провинции — на уезды. При формировании централизованного государства местную знать частично включили в административную систему: ее представители возглавили уездные

управы. Но они не могли стать губернаторами — на этот пост назначали только представителей столичной знати с 5-м придворным рангом и выше. С начала X в. для облегчения сбора налогов губернаторам провинций значительно расширили полномочия, в том числе дали право по своему усмотрению применять вооруженную силу. С этого времени роль провинциальных управ резко возросла, а уездных — заметно снизилась. Местные землевладельцы, чьи права на частные владения не были гарантированы, стали активно вооружаться, чтобы противостоять соседям и провинциальным чиновникам. В то же время они охотнее шли на военную службу к губернаторам: те могли подтвердить их права на земли. Это и привело к формированию вооруженных отрядов под руководством губернаторов — особенно на периферии страны, где закон работал плохо, а военная сила требовалась постоянно.

Столичная аристократия, имевшая 5-й или более высокий ранг, стремилась занять должности в центральных органах власти, рассматривая назначение на должность губернатора как ссылку. Однако для среднеранговой аристократии, не имевшей перспектив повышения в столице, назначение на руководящий пост, пусть даже в неспокойных восточных провинциях, становилось возможностью проявить себя, получить повышение в ранге и должности, а вместе с тем увеличить доход и добиться лучшей доли для своих потомков. В X–XI вв. на посты губернаторов наиболее часто назначались выходцы из родов Фудзивара, Тайра и Минамото. Если первые были представителями боковых ветвей наиболее могущественного столичного рода, то о происхождении двух других следует сказать отдельно, ведь именно из их числа выйдут первые военные правители Японии в XII в.

О происхождении Тайра и Минамото

В эпохи Нара (710–794) и Хэйан (794–1185) у японских императоров было большое число жен и наложниц, а значит, много детей. Например, у императора Сага, правившего в первой половине IX в., насчитывалось, по разным источникам, 50 детей. Четкого порядка наследования престола не существовало: правило передачи власти от отца к старшему сыну еще не устоялось. Это порождало интриги, формирование группировок и борьбу между ними за своих ставленников. Огромное значение имело, к какому аристократическому дому принадлежала мать ребенка. Такие аристократические кланы, как Сога в VI–VII вв. и Фудзивара в VIII–XI вв., добивались господства при дворе именно благодаря успешно налаженным родственным связям с государевым родом.

Многочисленное потомство императоров создавало почву для постоянных конфликтов и ложилось тяжким бременем на казну, поскольку всем представителям правящего рода полагались ранговые земли. Поэтому с IX в. вошло в практику правило: детям императора от наложниц, особенно младшим, по достижении определенного возраста даровали фамилию и исключали их из императорского рода. Именно так появились фамилии Тайра и Минамото.

Минамото буквально означает «источник», что указывало на высокое происхождение фамилии. Иероглиф фамилии Тайра (в древности произносилась как Тахира) означает «прямой, ровный», а также «мирный, спокойный». Считается, что такая семантика связана со столицей Хэйан: первый иероглиф «хэй» в ее названии записывался так же. Фамилию Тайра впервые даровали потомкам императора Камму: он

правил на рубеже VIII–IX вв. и основал эту столицу, будущий Киото. Фамилию Минамото давали потомкам более поздних императоров, начиная с Сага, но наибольшую известность получили Минамото — потомки императора Сэйва (середина IX в.). Важно понимать, что это были не фамилии в современном понимании, а скорее имена родов. Людей с такими «фамилиями» было очень много, но они редко приходились друг другу родственниками.

Исключенные из императорского рода отпрыски формально становились обычными людьми (хотя оставались представителями знати) и несли службу при дворе: как и все аристократы, добивались придворного ранга, поступали на чиновничью службу в центральное правительство или уезжали в провинцию. К тому времени большинство высших постов в государственном аппарате уже прочно удерживал род Фудзивара — самый могущественный в Древней Японии. Поэтому многие Тайра и Минамото отправлялись в отдаленные провинции со сложными заданиями или во главе воинских отрядов. Там они стремились заслужить расположение центральных властей и, вернувшись в столицу, получить более высокий ранг, который позволил бы не разъезжать по стране, а занять место среди высших чиновников.

Удавалось это не всем, поэтому многие, уезжая в отдаленные провинции, вступали в родство с местной знатью. Провинциальные аристократы шли на это охотно: выходцы из столицы, а тем более отпрыски императорского рода, обладали в их глазах огромным авторитетом. Представители местных знатных родов рассчитывали, что новые родственники будут покровительствовать им в столице. Так Тайра и Минамото постепенно превратились в общественную верхушку в отдаленных провинциях и уездах Японии.

Они же становились лидерами вооруженных формирований на периферии — ранних самураев. Впервые Тайра и Минамото заявили о себе в X в.

Восстания Тайра Масакадо и Фудзивара Сумитомо

Первым громким событием, обозначившим появление новой военной силы, стало восстание Тайра Масакадо на востоке Японии, в регионе Канто (район современного Токио), где он владел землями. Масакадо был типичным представителем зарождающегося воинского сословия. Его дед Тайра Такамоти — сын принца Таками и правнук государя Камму. Из-за ранней смерти отца он не успел получить высокий ранг, а потому охотно отправился на восток страны для подавления мятежа в конце IX в., за что был назначен губернатором провинции Кадзуса. Отец Масакадо, Ёсимаса, перебравшись вместе с Такамоти на восток, породнился с местной знатью и занялся расширением своих земельных владений в регионе Канто.

Масакадо, проживавший в столице и состоявший на службе у высокопоставленного аристократа Фудзивара Тадахира, был вынужден вернуться в Канто из-за внезапной смерти отца. Здесь он вступил в конфликт со своими родственниками по поводу границы отцовских земельных владений. Из этого спора Масакадо вышел победителем. Лишенные земель родственники отправились в столицу с жалобой. Однако центральные власти посчитали происходящее внутренним семейным делом и вмешиваться не стали. Но именно эта огласка сделала Тайра Масакадо известным и повысила его авторитет на востоке страны.

С этого времени соседи обращались к Тайра Масакадо за помощью в решении конфликтов из-за земельной собственности. В 939 г. он вступился за очередного обиженного, напал на управу восточной провинции Хитати и захватил ее. На это власти не могли закрыть глаза: Масакадо объявили мятежником и отправили на усмирение воинский отряд. Он понял, что терять нечего, и захватил управы восьми провинций Восточной Японии, то есть фактически взял под контроль огромную равнину Канто. Масакадо провозгласил себя новым императором, но при этом известил столицу, что не претендует на власть во всей стране, а только на востоке Японии. В столице такие заверения не приняли и призвали всех воинов востока выступить против Тайра Масакадо, пообещав в награду ранги и земли. Двоюродный брат мятежника Тайра Садамори вместе с полководцем Фудзивара Хидэсато напали на него и одержали победу.

Почти одновременно с событиями в Канто на западе страны развернулась своя драма. Ее главным героем стал Сумитомо — выходец из могущественного рода Фудзивара. Он был помощником губернатора в управе провинции Иё на острове Сикоку и боролся с пиратством во Внутреннем Японском море. Однако вскоре Сумитомо предпочел оставить скромную чиновничью карьеру и возглавил пиратскую банду. Фудзивара Сумитомо нападал на провинциальные управы, похищал имущество и собранные налоги. В итоге он взял под контроль значительную часть провинций у Внутреннего Японского моря. Властям поначалу было не до него: все силы ушли на усмирение Тайра Масакадо на востоке, и Сумитомо, пользуясь этим, безнаказанно хозяйничал на западе. Но как только с восточным мятежником распра-

вились, очередь дошла и до западного: вскоре его взяли в плен и доставили в столицу.

Оба инцидента произошли в одно время, поэтому историки часто объединяют их под общим названием — смута годов Дзёхэй-Тэнгё. События сами по себе не имели далеко идущих последствий, но стали важным сигналом. Провинциальные военные вожди — выходцы из столицы — показали, что обладают огромным авторитетом на периферии. Они могли использовать военную силу, подчинять обширные территории с помощью своих отрядов. Главное, они досаждали центральной власти: вынуждали ее иметь с ними дело, отправлять войска на усмирение и мобилизовывать ресурсы. Воины впервые громко заявили о себе. Хотя это еще не была полностью организованная сила, первый шаг на пути к этому был сделан.

Возвышение Минамото на востоке Японии

После смуты Дзёхэй-Тэнгё в Японии наступило долгое затишье. На протяжении почти столетия не происходило крупных мятежей с участием самураев. Очередное восстание вспыхнуло в 1028 г. Его возглавил Тайра Тадацунэ — внучатый племянник Тайра Масакадо. Причиной выступления, как и прежде, стали земельные споры. Тадацунэ был недоволен притязаниями губернатора провинции Кавати на свои владения. В ответ он захватил управы двух провинций — Кавати и Ава. Центральные власти отправили против него отряд под командованием другого Тайра — Наокаты. Однако Наоката не смог одолеть мятежника, и Тадацунэ почти три года хозяйничал в захваченных про-

винциях. В 1031 г. на подавление бунта отправили нового полководца — Минамото Ёринобу. И тут ситуация получила неожиданное развитие: Ёринобу одолел Тадацунэ без боя. Мятежник сам вышел к нему и объявил, что постригся в монахи. Таким образом он воспользовался правом на амнистию за добровольную сдачу. Вскоре Тадацунэ умер естественной смертью, не успев доехать до столицы, — благодаря этому восстание не отразилось на судьбе ни его самого, ни его родных. А Минамото Ёринобу в результате прославился, а его род долгое время окружал ореол доблести. Впоследствии именно к ним обращались за помощью в урегулировании споров, конфликтов и подавлении восстаний в восточной части страны.

Следующие два крупных конфликта разгорелись во второй половине XI в. в провинции Муцу на севере острова Хонсю. В историю они вошли как Ранняя девятилетняя война и Поздняя трехлетняя война.

Конфликт начался с того, что один из вождей провинции Муцу — Абэ Ёритоки — отказался платить налоги и подчиняться провинциальной управе. Считается, что Ёритоки был потомком эмиси, которые уже перешли под частичный контроль японского государства. Под властью Абэ Ёритоки находились шесть уездов в провинции Муцу, располагавшихся на территории современной префектуры Иватэ. Чтобы усмирить его, туда отправили Минамото Ёриёси, сына Минамото Ёринобу, ранее одержавшего победу над Тайра Тадацунэ. В 1056 г. Ёритоки подчинился, и Ёриёси, сохранив ему жизнь, вернулся в столицу с докладом об успешном завершении похода.

Центральное правительство по достоинству оценило заслуги Ёриёси и назначило его губернатором провинции

Муцу. Вместе с новой должностью он получил секретный приказ: убить Ёритоки. В 1057 г. Ёриёси вернулся на север и исполнил волю властей. Однако сын Ёритоки, Абэ Садато, поднял войско и нанес Ёриёси поражение. Бои затянулись на несколько лет. Исход противостояния решило вмешательство Киёхара Такэнори — полководца из соседней провинции Дэва, который выделил крупное войско.

Минамото Ёриёси вышел из войны победителем, однако основные почести достались Киёхара, ведь именно он внес решающий вклад в разгром Абэ. Но Ёриёси как главнокомандующий и губернатор провинции Муцу снискал огромную славу среди воинов восточных провинций. Местные землевладельцы передавали ему земли под покровительство. Имя Минамото прогремело по всей стране, особенно на востоке Японии, и это вызвало тревогу в столице.

Спустя некоторое время, в 1083 г., семейный конфликт вспыхнул уже внутри дома Киёхара — того, что помог Ёриёси. Братья Иэхира и Такэхира вступили в спор с Киёхира за главенство в роду и распределение земель. Киёхира обратился за помощью к Минамото Ёсииэ, сыну Ёриёси, и вместе они одержали победу над противником. Но на этот раз центральное правительство посчитало, что вмешательство Минамото во внутрисемейный спор не является государственным делом, а потому никаких наград и почестей победитель не получил. Чтобы расплатиться с воинами, Ёсииэ задействовал личные средства, в частности земли, полученные во время распри. Этот поступок лишь приумножил славу Минамото как щедрого и справедливого военачальника. С тех пор имя Минамото окружил подлинный геройский ореол, особенно в землях Восточной Японии.